

● ВЫБИРАЕМ СОБЕСЕДНИКА

ВСЕ ЖАНРЫ,
КРОМЕ СКУЧНОГО

ОХВАТЫВАЕТ ТВОРЧЕСТВО

КОМПОЗИТОРА НИКИТЫ БОГОСЛОВСКОГО

— Никита Владимирович, если не ошибаюсь, свою первую оперетту, которая шла на сцене Ленинградского театра музыкальной комедии, а затем в Москве и других городах, вы написали в пятнадцатилетнем возрасте?...

— Да, совместно с драматургом Николаем Адуевым. Оперетта называлась «Как ее зовут?» До сих пор помню, как пошел на премьеру в театр. Волнения — через край. Еще бы, первое сочинение, выбор пути и все такое. Подхожу к театру, чувствую себя большим композитором. Вошел... Кто-то за рукав тянет. У меня сразу мысль мелькнула: «Боже, уже поклонники...» Оборачиваюсь, а это старушка-билетерша. И говорит мне так ласково-ласково: «Куда, шустрый ты мой?» Я в ответ: оперетту, мол, написал, композитор я... А она головой качает, словно со всем соглашается, а сама в сторонку меня отпихивает. «Ни-ни-ни, — говорит. — В воскресенье с мамой приходи на утренник». И не пустила, как я ни просил. Пришлось весь первый акт прослушать в вестибюле театра. Потом, к счастью, директор мимо проходил, увидел меня и провел в зал.

— Но уж если мы заговорили о прошлом, несколько слов о том, как начиналось ваше знакомство с музыкой?

— Прямо скажу, начиналось с ненависти. Когда мне исполнилось четыре года, родители решили, что растительный образ жизни пора заканчивать, и засадили меня за рояль. К музыке я сразу почувствовал отвращение. Несколько лет шел поистине «поединком» с родными, и они наконец сдались, освободили меня от ежедневных занятий на рояле. Но вот прошло два года, и я неожиданно сам потянулся к инструменту. Причем играть стал часами. Упражнялся, импровизировал и, самое главное, получал от этого большое удовольствие. Папа с мамой воспрянули духом. Меня тут же повели к другу нашего дома, ленинградскому композитору Семену Викторовичу Панченко. Панченко позанимался со мной некоторое время и в свою очередь ответил к великому русскому композитору, в то время ректору Ленинградской кон-

серватории Александру Константиновичу Глазунову. Я захватил с собой первый акт оперы, которую написал в четырнадцать лет. Глазунов взял мои ноты, мельком просмотрел их и положил на стол, а затем устроил маленький экзамен — играл отрывки из различных музыкальных произведений, а я должен был отгадывать их авторов. Делал все это я удивительно плохо: мои музыкальные познания были весьма скудными. Вдруг Александр Константинович заиграл какую-то очень знакомую мелодию и спрашивает: «А это кто написал?» Минут пять думал, прежде чем понял, что это мое собственное сочинение. Он без запинки наизусть играл всю увертюру к моей опере, ни разу не заглянув в ноты. У Глазунова была абсолютная зрительная и музыкальная память, в дальнейшем я убеждался в этом не раз. Итак, по воскресеньям я начал ходить к Александру Константиновичу Глазунову. Мы занимались композицией.

— Давайте пофантазируем: Вам снова семнадцать. Как вы планировали бы вашу жизнь?

— Возможность начать с нуля... Что ж, в смысле профессии я постарался бы написать меньше плохих вещей. Занялся бы серьезно оркестровой и симфонической музыкой, чаще писал бы для оперных и балетных театров. С оперой «Соль» у меня вообще произошла довольно забавная штука. Мы взялись за нее с ленинградским композитором Борисом Корниловым в 1935 году. Но она так и осталась недоделанной и была заброшена. А в прошлом году, роюсь в своем архиве, я обнаружил ее ноты. Прочитал, либретто показалось мне интересным, а главное, современным. Я доработал ее, и вскоре опера пошла на сцене Московского камерного театра.

Еще я постарался бы прожить так, чтобы меньше сориться с хорошими людьми из-за своего неуживчивого характера.

Да! И, конечно же, намного раньше, а может быть, и в семнадцать лет, занялся бы литературной деятельностью.

— Когда же она началась на самом деле?

— Еще до войны писал в «Крокодил» и «Комсомольскую правду» шуточные стихотворные пародии, сатирические миниатюры. С тех пор и работаю в жанре сатиры и юмора.

— С кинематографом, насколько я знаю, вас также связывает многолетнее сотрудничество...

— Да, совершенно верно, я очень люблю кино. И особенно мультипликацию, она дает необычайный простор для музыкальной фантазии и в то же время чрезвычайно дисциплинирует. Над мультфильмом приходится работать буквально с секундомером в руках. Герой на экране вскочил, побежал, поцеловал кого-то — все это надо обозначить музыкой, не забывая при этом, что мелодия не должна превратиться в обыкновенную звуковую иллюстрацию. А в «большом» кино лучше всего мне работалось с моим ныне покойным другом, режиссером Леонидом Луковым. С ним сделаны «Большая жизнь», «Александр Парломенко», «Разные судьбы». Это был режиссер, который умел удивительно снимать песню, так, что она входила в душу зрителя, запоминалась, волновала. С огромным удовольствием я писал музыку для двух картин Гайдая: «Самогонщики» и «Пес Барбос и необычный кросс».

— От чего, по-вашему, зависят долголетие той или иной песни, ее популярность?

— Бывает, работаешь над песней месяц, два, три, оттачиваешь каждую деталь, а в результате ее никто не принимает, и даже сам начинаешь ее постепенно забывать. А иногда мгновение — и песня состоялась. Так, например, с «Темной ночью». Я сел к роялю и сразу сыграл режиссеру Лукову всю мелодию. Музыка ему понравилась. Тут же позвали поэта Агатова, мелодия и его вдохновила настолько, что он сразу написал стихи. Разбудили среди ночи Бернеса, предложили поехать в студию, записать новую песню. Марк согласился. И на следующее утро его уже снимали под фонограмму новой песни. Такое случается, наверное, только раз в жизни...

— Что было вашей последней работой?

— Спектакль-опера по пьесам Блока «Балаганчик» и «Незнакомка». Ее постановку в декабре минувшего года осуществил в Московском камерном театре режиссер Сергей Юткович. В этих лирических драмах, как я их называю, драматические актеры читают стихи в ритме музыки.

Беседу вел
А. КУЧЕРОВ